

ВИКТОР ГЮГО

ГАВРОШ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1936

275.

ВИКТОР ГЮГО

Г А В Р О . Ш

**ПЕРЕВОД И ОБРАБОТКА
С. ЧАЦКИНОЙ**

**ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1936 ЛЕНИНГРАД**

735914-2 КХ-ред

Российская государственная
детская библиотека

ДИТЯ ПАРИЖА

По улицам Парижа бродили грязные, оборванные мальчуганы. Этих уличных мальчишек называли гаменами. На теле у них не было рубашки, на ногах — башмаков, над головами — кровли.

Если бы огромному городу можно было задать вопрос, кто такие эти мальчики, Париж ответил бы: это — мои дети.

Париж кишел такими маленькими бродягами. Измученные бедностью и непосильным трудом, родители исчезнувших детей часто даже не пытались узнать, куда они девались и что с ними. Трущобы Парижа выбрасывали детей на мостовую. Полиция во время ночных обходов выла-

вливала сотни маленьких бродяг в пустырях, в недостроенных домах, под сводами мостов.

Немудрено, что уличный мальчишка в Париже знал всех полицейских чуть ли не наперечет. Он вам мог перечислить, не задумываясь: «Такой-то предатель, такой-то злюка, такой-то великан, такой-то чудака; такой-то воображает, что Новый мост его собственность, и запрещает публике гулять по его карнизам и перилам; у такого-то дурная привычка таскать за ухо прохожих».

Не всякому удавалось попасть в шайку уличных мальчишек Парижа. Заслужить их уважение — нелегкое дело.

Иного товарища почитали за то, что он видел, как человек свалился с высокой башни; другого — за то, что у него на глазах опрокинулась почтовая карета; третьего — потому, что он знал солдата, который чуть не выколол глаза одному буржуа.

Гамены, конечно, большие драчуны. Они любили хвастнуть: «А ведь я здорово силен!» Левша среди них вызывал зависть. Косоглазые были в особом почете.

В те времена, о которых здесь будет речь¹, по бульвару Тампль постоянно блуждал мальчуган лет одиннадцати-двенадцати. Товарищи звали его Гаврошем. Одет он был пресмешно:

¹ Сто лет тому назад.

в мужские штаны и женскую кофту. Штаны ему подарил не отец, кофту отдала не мать. А у него были отец и мать. Но отец о нем не заботился, мать не любила.

Этому мальчику всего лучше жилось на улице.

Гаврош был шумлив, бледен, проворен, насмешлив и боек. Он бродил по улицам, распевал песенки, копался в стоках нечистот, иногда крал какую-нибудь безделицу, весело, как крадут кошки и воробьи. Смеялся, когда его называли уличным мальчишкой, сердился, когда его обзывали проходимцем. У него не было ни крова, ни хлеба, ни огня, никто его не любил. Но он был весел.

Но, как ни одинок и заброшен был этот ребенок, ему все же иногда приходило в голову: пора пойти повидать мать; он покидал Большие бульвары, ворота Сен-Мартен, спускался по набережным, переходил мосты и, наконец, добирался до лачуги в бедном предместье.

Гаврош приходил и заставлял нищету. Всего печальнее, что никто не встречал его улыбкой, все были холодны, как холоден был их пустой очаг.

Когда он входил, его спрашивали:

— Ты откуда взялся?

Он отвечал:

— С улицы.
Когда уходил, спрашивали:
— Куда идешь?
Он отвечал:
— На улицу.

ГАВРОШ ВСТРЕЧАЕТ МАЛЫШЕЙ

Весна в том году началась рано. В марте сразу стало тепло. Но в апреле вдруг снова наступили резкие холода. В Париже так часто бывает.

В один из холодных апрельских вечеров Гаврош стоял перед ярко освещенной парикмахерской на многолюдной улице. На шее у него была женская шаль. Он делал вид, что восторженно любуется выставленной в витрине головой из воска в затейливой прическе, украшенной цветами. Голова эта вертелась во все стороны и расточала улыбки прохожим. На самом же деле Гаврош высматривал, не удастся ли ему стянуть с выставки кусок мыла. Парикмахеры предместья охотно покупали у него такие краденые куски за несколько су. Вырученных денег ему вполне хватало на обед. Гаврош был мастер на такие дела. Он называл это «брить брадобреев».

Любуясь восковой красавицей, он бормотал:

«Во вторник?.. Нет, не во вторник... Разве не во вторник?.. Да, конечно, во вторник».

Гаврош старался припомнить день, когда он последний раз обедал. Это было дня три тому назад.

Парикмахер брил какого-то буржуа и сердито поглядывал на своего врага, на замерзшего дерзкого мальчишку, с руками, засунутыми в карманы, и дерзкими помыслами в голове.

Вдруг Гаврош увидел, что в лавку вошли два мальчика. Совсем маленькие: один лет семи, другой лет пяти.

Оба были одеты неплохо. Они не то просили милостыню, не то о чем-то спрашивали. Нельзя было понять. Оба говорили сразу, громкий плач прерывал их слова. Парикмахер, взбешенный, повернулся, вытолкал их на улицу и захлопнул дверь со словами:

— Приходят и напускают холод из-за всякой ерунды!

Дети, громко плача, поплелись дальше. Темная туча заволокла небо, пошел дождь.

Гаврош побежал за детьми.

— Что с вами приключилось, малыши?

— Мы не знаем, где ночевать, — ответил старший.

— Только и всего? — сказал Гаврош. — Подумаешь, какая беда! Разве из-за этого плачут? Вот дурачье!

И прибавил с оттенком нежности и превосходства в голосе:

— Пойдем со мной, ребятки!

— Хорошо, сударь, — согласился старший.

Дети доверчиво пошли за Гаврошем. Они перестали плакать.

Удаляясь, Гаврош с негодованием оглядывался на лавку парикмахера.

— Тварь бессердечная, — бурчал он. — Настоящая змея. Послушай, брадобрей, я позову слесаря и велю тебе нацепить на хвост погребушку.

Эта мысль привела его в задорное настроение. Переходя лужу и увидав старуху с метлой в руках, он спросил:

— Сударыня, как видно, вы вывели погулять свою лошадку?

И тут же забрызгал грязью лакированные ботинки прохожего.

— Болван! — злобно крикнул прохожий.

Гаврош высунул нос из своей шали.

— Сударь, вы на кого жалуетесь?

— На кого же, как не на тебя, — сказал прохожий.

— Контора закрыта, — сказал Гаврош. — Я больше не принимаю жалоб.

В подворотне какого-то дома он заметил окоченевшую от холода нищенку — девочку лет двенадцати.

— Бедняга! — пожалел ее Гаврош. — Вот тебе. Возьми! — Он снял с себя теплый шерстяной платок и набросил его на костлявые плечи нищенки.

Смотанный в шарф платок распустился и покрыл ее с головы до ног. Девочка посмотрела на него с удивлением и безмолвно приняла подарок.

— Брр... — сказал Гаврош, ежась от холода. — Зато ей будет тепло. Она теперь, как в шубе. — Лицо его просияло.

В эту минуту хлынул дождь.

— Опять дождь! — воскликнул Гаврош. — Нет, я больше не намерен прогуливаться.

Он ускорил шаги.

— Плевать мне на тебя! — крикнул он, глядя на тучу.

Дети старались поспеть за ним.

Проходя мимо булочной, Гаврош обернулся.

— Мальчики, вы обедали?

— Сударь, — ответил старший, — мы с самого утра не ели.

— У вас, стало быть, нет ни отца, ни матери? — спросил Гаврош.

— У нас есть мама, — сказал старший. — Но мы не знаем, где она.

— Иной раз лучше этого не знать, — возразил Гаврош.

— Мы старались найти что-нибудь на улице, — продолжал старший мальчик, — но ничего не было.

— Знаю, — сказал Гаврош. — Собаки все съедают. — И, помолчав, прибавил: — Так вы потеряли родительницу? Не знаете, куда она девалась? Это нехорошо, ребяташки! Глупо терять старших. Однако, надо что-нибудь пожевать.

Он больше не стал их расспрашивать. Бездомные дети — эка невидаль!

Он остановился и стал усердно шарить в своих дырявых карманах. Вдруг он поднял голову с торжествующим видом:

— Утешьтесь! Мы сейчас поужинаем втроем.

Он вытащил из кармана су, поспешно втокнул детей в булочную, швырнул монету на прилавок и крикнул:

— Хлеба на пять сантимов!

Булочник взял нож и хотел ему отрезать кусок хлеба.

— Поделите его на три части, — потребовал Гаврош. И важно прибавил: — Нас ведь трое.

Булочник, поглядев на детей, собрался было отрезать им черного хлеба, но Гаврош крикнул ему с негодованием:

— Это что такое? Белого! Отрежьте самого лучшего белого хлеба. Я угощаю.

Булочник засмеялся.

— Вы, кажется, принимаете нас за малышей, — обиделся Гаврош.

Булочник отрезал ему белого хлеба. Гаврош сказал детям:

— Жрите.

Мальчуганы смотрели на него с удивлением. Гаврош расхохотался.

— Ах, да! Они не понимают. Они маленькие. — И прибавил: — Ешьте.

Он дал им по куску хлеба.

Считая, что старший заслуживает особого поощрения и лучше поймет его, Гаврош протянул ему самый большой кусок и наставительно сказал:

— Забей в брюхо.

Себе он взял самый маленький кусок.

Дети, в том числе и Гаврош, были очень голодны. Они жадно жевали хлеб, стоя в про-

ходе и загораживая проход покупателям. Булочник, получивший деньги, глядел на них с досадой.

— Выйдем на улицу, — сказал Гаврош.

Они пошли по направлению к Бастилии.

В ГОСТЯХ У СЛОНА

В те времена на площади Бастилии стоял странный памятник, теперь совершенно забытый парижанами. Это был большущий слон из дерева и штукатурки.

На спине у него красовалась башня, выкрашенная в зеленую краску, почерневшую от дождя и непогоды.

Слон стоял в самом уединенном углу площади. Широкий лоб великана, его хобот, клыки, башня, огромный круп, четыре ноги, похожие на колонны, выступали ночью на звездном небе, странные и страшные. К этому то углу площади, едва освещенному отблеском далекого фонаря, Гаврош привел малышей.

— Не трусить, ребята, — сказал Гаврош.

Он пролез в отверстие ограды, окружавшей слона, и втащил за собой детей. Оробевшие малыши покорно следовали за незнакомым оборванным мальчишкой.

Подле ограды лежала лестница. Днем ею

пользовались рабочие соседнего лесного склада. Гаврош поднял ее, с удивительной для его возраста силой, и приставил к одной из передних ног слона. Лестница доходила до места, где видна была черная дыра в брюхе великана. Гаврош указал гостям на лестницу и дыру:

— Влезайте и входите.

Малыши в ужасе переглянулись.

— Вы трусили, ребятишки! — воскликнул Гаврош и прибавил: — Вот поглядите.

Он охватил руками шершавую ногу слона и в один миг, пренебрегая лестницей, добрался до отверстия. Он влез в него, точно ящерица в щель, и исчез. Через минуту бледное его лицо высунулось из темной дыры.

Дети смотрели, разинув рты.

— Ну, влезайте же! Увидите, как там хорошо! Полезай ты первый, — обратился он к старшему. — Ухватись за мою руку.

Малыши прижимались друг к другу. Они и побаивались Гавроша и доверяли ему. Дождь лил все сильнее. Наконец, старший решился. Маленький, увидев, что брат полез наверх, а он остался совсем один между ног огромного зверя, собрался разреветься, но не посмел.

Старший, шатаясь, карабкался по перекладинам лестницы. Гаврош, поощряя, покрикивал:

— Не бойся! Так, так. Вперед! Ногу ставь сюда! Руку давай сюда! Смелее!

Как только маленький мальчик поровнялся с Гаврошем, тот быстро и сильно ухватил его за руку и притянул к себе.

— Кончено, — сказал Гаврош.

Малыш залез в отверстие.

— Теперь, — сказал Гаврош, — подожди меня. Будьте любезны присесть, сударь.

Он вылез из отверстия, с ловкостью мар-тышки спустился по ноге слона, соскочил на

землю, схватил пятилетнего мальчишку, поставил его на среднюю перекладину лестницы, а сам полез вслед за ним.

— Я буду его подталкивать, а ты его тащи! — крикнул он старшему.

В одну минуту малютку подняли по лестнице, подталкивая, волоча за руку, и впихнули в отверстие. Он и опомниться не успел.

Гаврош влез вслед за ним и ударом ноги оттолкнул лестницу. Она упала на землю. Гаврош захлопал в ладоши:

— Вот мы и дома. Урра!

И через минуту прибавил:

— Вы у меня в гостях, ребята.

Отверстие, в которое вползли дети, снаружи едва можно было заметить. Оно находилось у слона под брюхом и так было узко, что залезать в него могли только кошки да дети.

— Прежде всего, — сказал Гаврош, — объявим, что нас нет дома.

Гаврош куда-то исчез в темноте. Видно, он хорошо знал свое жилище.

Вытащив откуда-то доску, Гаврош закрыл ею отверстие.

Потом снова исчез. Дети слышали, как зашипела спичка, всунутая в бутылку с фосфором.

От внезапного света дети зажмурили глаза. Гаврош зажег фитиль, смоченный в смоле. Та-

кой фитиль назывался подвальной свечкой. Свечка эта больше чадила, чем горела. Но при ее тусклом свете можно было кое-как разглядеть внутренность слона.

Маленькие гости Гавроша оглядывались со страхом. Вверху была длинная темная балка, а от нее шли массивные полукруглые перекладины. На них висели отставшая штукатурка и густая паутина.

Младший мальчик прижался к брату и шепнул:

— Темно.

Гаврош на него прикрикнул. Не мешало задать встряску этим трусишкам.

— Вы чего задаетесь? Уж не прикажете ли отвести вас во дворец? Что вы дурака валяете? Предупреждаю, я терпеть не могу олухов.

Окрик иной раз бывает полезен.

Мальчишки приободрились и подползли поближе к Гаврошу.

Тронутый их доверчивостью, Гаврош сменил гнев на милость.

— Дурашка,— обратился он к младшему.— Это на дворе темно. Там идет дождь, а здесь не идет. Там холодно, а здесь ни малейшего ветерка. Там люди, а здесь никого нет. Там даже луны нет, а здесь горит моя свечка.

Дети озирались уже не с таким страхом.

— Ну, живей,—сказал Гаврош и толкнул

их в глубину своей комнаты, туда, где была его постель.

Постель у Гавроша была совсем настоящая: у него были матрац и одеяло.

Матрацем служила соломенная цыновка, одеялом — большой кусок толстой шерстяной серого цвета ткани, очень теплой и совсем почти новой. А балдахин был вот как устроен:

Вокруг постели стояли три длинные подпорки, вбитые в пол, то есть в брюхо слона. Наверху они были связаны веревкой в пучок. Пучок этот поддерживал сеть из медной проволоки, очень ловко прикрепленную. Она со всех сторон окружала подпорки. Большие камни придавливали эту сеть к полу, так что пробраться за нее нельзя было.

Эта сеть была не что иное, как часть медной решетки, окружавшей птичник в зверинце. Гаврош спал, точно в клетке.

Гаврош сдвинул камни, наваленные на передние половинки сети.

— Ребятишки, становись на четвереньки, — приказал Гаврош.

Он впустил гостей в клетку, сам влез за ними, снова сдвинул камни и плотно закрыл вход.

Все трое разлеглись на цыновке.

Клетка была низкая. Даже самый маленький из трех мальчиков не мог бы в ней поме-

ститься стоя. Гаврош все еще держал в руках подвальную свечу.

— Теперь, — сказал он, — спать. Я уберу канделябр.

— Сударь, — спросил старший мальчик, указывая на сеть, — что это такое?

— Это от крыс,—важно ответил Гаврош.— Все это я натащил из Ботанического сада. Ты ведь знаешь, что там есть зверинец. Там сколько хочешь таких решеток. Стоит только вскарабкаться на стену, пролезть в окно и проскользнуть в дверь. Можно настрелять целую кучу.

Болтая, он закутал частью одеяла маленького мальчика. Тот пробормотал:

— Ой, как хорошо! Тепло.

Гаврош самодовольно поглядел на одеяло.

— Это тоже из Ботанического сада,—сказал он.—Я отобрал его у обезьян.

И, ткнув пальцем толстую, великолепно сплетенную цыновку, на которой они лежали, прибавил:

— А это я взял у жирафа.

Помолчав, Гаврош продолжал:

— У животных всего довольно. Я у них и взял. Они не рассердились. Я им сказал: «Это в подарок слону».

Малыши изумленно, с робким уважением глядели на это дерзкое и изобретательное существо. Маленький бездомный мальчик, такой же одинокий, как и они, и в то же время всемогущий.

— Сударь,—робко спросил старший,—вы, стало быть, не боитесь полицейских?

— Не говорят —полицейский, говорят —колотила. Запомни, молокосос.

Младший мальчик лежал с широко открытыми глазами, одеяло сползло с него. Гаврош снова заботливо накрыл мальчика и подоткнул ему под голову старое тряпье вместо подушки. Потом обратился к старшему:

— Что? Хорошо здесь?

— О, да! — ответил старший, с восторгом глядя на Гавроша.

Бедняжки сильно промокли и теперь стали согреваться.

— Вот видите, — сказал Гаврош. — Чего же вы хныкали?

Он указал на маленького и прибавил:

— Что такой пузырь перепугался, я еще понимаю. Но большому мальчику как-то стыдно реветь. Что ты теленок, что ли?

— Мы не знали, где нас уложат спать, в какой дом нам войти, — сказал ребенок.

— Послушай, — продолжал Гаврош, — ты больше никогда не скули. Я о вас позабочусь. Увидишь, как будет весело. Летом мы вместе с Наве — это мой товарищ — будем ходить купаться в Сене и будем бегать голые по плотам, перед мостом. Мы пойдем смотреть на человека-скелета. Он живой. Его показывают в Елисейских полях. Вот худющий... Такого ты еще никогда не видал. Я вас поведу в театр. Мне дают билеты, я знаком с актерами, я даже сам раз участвовал в представлении. Нас было

несколько мальчиков, мы бегали под полотном. Это было море, а мы делали волны. Я вас тоже возьму с собой представлять. Я прошмыгну без билета. Мы отлично повеселимся.

В эту минуту смола капнула Гаврошу на палец.

— Чорт, — проворчал он, — так у меня весь фитиль сгорит. Послушайте, я не могу тратить больше одного су в месяц на освещение. Коли легли, так спите. Еще, чего доброго, сыщики увидят свет сквозь щель.

— Притом, — робко заметил старший (он один осмеливался разговаривать с Гаврошем), — искра может упасть в солому и спалить дом.

На дворе разразилась буря. Слышно было, как дождь хлестал по спине великана-слона.

— А дождь-то остался с носом, — сказал Гаврош. — Пускай себе барабанит по крыше. Зима, дура, вздумала вернуться. Нас ей не промочить, вот она и злится. Зря, старуха, рас-плескиваешь ведра.

Тут раздался удар грома. Весенняя непогода в Париже, несмотря на резкий холод, часто сопровождается грозой. Малыши вскрикнули и так быстро привскочили, что чуть не сдвинули с места сетку.

Но Гаврош повернул к ним свое смелое лицо и расхохотался.

— Тише, дети! Не ломайте дома. Вот так

гром! Прелесть. Bravo! Лучше и в театре не бывает.

Он опрокинул детей на постель, уложил их поудобнее и сказал:

— Ну, ребята, пора спать. Хорошенько завернитесь в одеяло. Я потушу свечку. Ну, готовы?

— Мне очень хорошо, — пробормотал старший. — Как будто у меня пуховая подушка под головой.

Гаврош подоткнул детям одеяло под самый подбородок.

— Дрыхните, ребята, — приказал он сурово и задул свечу.

Как только свет погас, раздался странный шорох. Сетка, под которой лежали дети, затряслась и зазвенела, как будто медную проволоку царапали когтями и грызли зубами. При этом со всех сторон слышался писк.

Пятилетний мальчуган, услышав этот шум над своей головой, помертвел от ужаса и толкнул локтем старшего брата, но тот успел уже заснуть. Малютка, не в силах подавить свой страх, решился заговорить с Гаврошем. Он спросил его шопотом, едва переводя дыхание:

— Сударь, что это?

— Крысы, — ответил Гаврош. — Спи!

Малыш не унимался.

— Сударь!

— А? — спросонья пробурчал Гаврош.

— Что это такое — крысы?

— Это такие мыши.

Объяснение Гавроша немного успокоило ребенка. Он видел белых мышей, и их он не боялся. Но через минуту он заговорил опять:

— Сударь!

— А? — отозвался Гаврош.

— Почему у вас нет кота?

— Был, — ответил Гаврош. — Я притащил кота, да они его сожрали.

Мальчик затрясся от страха.

— Сударь!

— А?

— Кого сожрали?

— Кота.

— Кто его сожрал?

— Крысы.

— Мыши?

— Да. Крысы.

— Сударь, а они нас не сожрут?

— Не бойся, — сказал Гаврош. — Они не могут войти. И потом, я ведь здесь. Вот возьми меня за руку. Молчи и дрыхни!

Гаврош протянул малышу руку. Ребенок прижал ее к себе и успокоился. Вокруг все стихло. Звук голосов испугал крыс, они разбежались. Через несколько минут они снова подняли возню, но мальчики ничего не слышали. Все трое крепко спали.

Утром Гаврош рано разбудил малышей, ловко помог им выбраться из брюха великана-слона, умудрился их накормить и ушел, оставив их на попечение улицы, — ведь она и его вскормила и воспитала. Покидая детей, он сказал:

— Я удираю, ребята. Если не найдете родительницу, возвращайтесь вечером сюда. Я угощу вас ужином и уложу спать.

Дети не вернулись. Их, верно, подобрал полицейский и отвел в участок. А, может быть, они просто затерялись в огромном Париже. Гаврош их больше не видел. Не раз он, почесывая голову, говорил:

— Куда девались мои ребятишки, чорт по-бери?

ГАВРОШ В ПОХОДЕ

В это время в Париже начинались большие события. Измученные нищетой и непосильным трудом рабочие, ремесленники, всякий мелкий люд готовились восстать против правительства. В правительстве сидели банкиры и фабриканты. Они заботились только о своей выгоде, их не трогало то, что народ терпит нужду и голод.

Уже в разных местах Франции вспыхивали

бунты. Их подавляли, но они опять возобновлялись.

Пожар разгорался.

Франция глядела на Париж. Париж следил за предместьем Сент-Антуан. Предмесье Сент-Антуан бурлило.

В кабачках рабочие открыто обсуждали вопрос: драться или ждать...

— Нас триста человек,—говорил один рабочий.—Если собрать по десять су, это даст сто пятьдесят франков. Их надо истратить на пули и порох.

— Через две недели нас будет двадцать пять тысяч,—говорил другой,—и мы померяемся силами с правительством.

— Я не сплю ночи,—говорил третий,—потому что готовлю по ночам патроны.

Все эти речи произносились открыто среди бела дня.

Таково было положение дел.

Это положение особенно ясно чувствовалось в предместье Сент-Антуан. Это старинное предместье, населенное густо, как муравейник, трудолюбивое и сердитое, как улей, трепетало от нетерпения и ждало взрыва.

Огромный Париж походил на пушку, когда она заряжена: достаточно одной искры, чтобы раздался выстрел.

И вот, однажды утром, предместье Сент-Ан-

туан приняло грозный вид. В шумной сети его улиц поднялось волнение. Каждый вооружался, чем только мог. Рабочие, проходя по улице, говорили шопотом друг другу:

— Где у тебя пистолет?

— Под блузой. А у тебя?

— Под рубахой.

На улицах перед мастерскими толпился народ и шептался. Рабочие дожидались предста-

вителей восставших предместий. Паролями обменивались почти громко и открыто.

Огромная процессия двинулась по Парижу. Изгнанники всех стран, нашедшие убежище в Париже, несли знамена: испанские, итальянские, немецкие, польские. Дети размахивали зелеными ветками. Дальше грозными толпами тянулись рабочие: грузчики, каменщики, плотники, маляры, стекольщики, наборщики.

Буржуа в испуге глядели на них с балконов и из окон домов.

Правительство было настороже и держало войска наготове: двадцать четыре тысячи солдат в городе и тридцать тысяч в его предместьях. Когда толпа и войска встретились, грянула буря: полетели камни, началась перестрелка; драгуны пустили в ход сабли, толпа разбежалась во все стороны, во всех концах Парижа поднялся воинственный клич:

— К оружию!

На бульваре Сен-Мартен разгромили оружейную фабрику и три оружейных лавки. В несколько минут тысячи рук расхватили и унесли сотни ружей, пистолетов и сабель. Восставшие били фонари, обшаривали погреба, катили бочки, громоздили булыжники на мостовой, камни, мебель, доски, и не прошло и часа, как бесчисленные баррикады словно выросли из земли. К вечеру треть Парижа была в руках восста-

вших. Буржуазию охватил страх. Везде запирались двери, окна и ставни. Всюду расхаживали военные патрули, обыскивая и задерживая прохожих. Тюрьмы и полицейские участки были битком набиты. В них нехватало места. Множество арестованных лежало под открытым небом, во дворах, друг на друге. Раздавались сигнальные рожки, бой барабанов, ружейные выстрелы и тоскливые звуки набата.

— Чем все это кончится? — в страхе спрашивали друг друга буржуа.

Наступила ночь. Восстание грозным пламенем озаряло Париж.

После первого утреннего столкновения войска с народом толпа отхлынула с площади Арсенала и бурным потоком разлилась во все стороны. На улице Мениль-Монтан из толпы выбежал оборванный мальчуган. В руках у него была цветущая ветка ракитника. Мальчуган увидел на выставке торговли старьем пистолет. Он бросил цветущую ветку на мостовую и крикнул:

— Тетка, я беру взаймы твою штуку.

Мальчуган схватил пистолет и убежал.

Это был Гаврош. На бульваре он заметил, что пистолет его без курка. Он взглянул на него укоризненно: «Я-то собираюсь в бой, да ты не собираешься».

На рынке Сен-Жан, где военный караул был уже обезоружен, Гаврош присоединился

к толпе рабочих и студентов. Все они были кое-как вооружены. У одного было охотничье двухствольное ружье; у другого — ружье гвардейца, а за поясом два пистолета, они видны были из-под расстегнутого сюртука; у третьего — старый кавалерийский мушкет; у четвертого — карабин.

Впереди всех шел человек с обнаженной саблей в руке.

Все они задыхались, промокли под дождем. Глаза их горели. Гаврош спокойно спросил их:

— Куда мы пойдём?

— Идем с нами,—ответили ему.

Гаврошу больше всех понравился человек в красном жилете. Он шел подпрыгивая и, видимо, чувствовал себя, как рыба в воде. Товарищи звали его Багорелем. Увидев его жилет, какой-то прохожий испугался и завопил:

— Вот идут красные.

— Красные, красные! — возразил Багорель. — Нашел чего бояться.

Он увидел наклеенное на стене какое-то воззвание правительства и сорвал его.

Гаврош был в восхищении. С этой минуты он глаз не сводил с Багореля.

Молодых людей сопровождала шумная толпа. Она состояла из портовых рабочих, грузчиков, студентов, живописцев с палками или ружьями в руках, с пистолетами за поясом. По дороге к ним присоединялись прохожие.

ГАВРОШ ПОМОГАЕТ СТРОИТЬ БАРРИКАДУ

Шумная толпа углубилась в сеть старых улиц, мрачных, извилистых и узких. Дома на них были странные, разной величины, построены вкривь и вкось.

Выходя из улицы Сен-Дени на улицу Шанврери, толпа попала в удлинненную воронку. В конце воронки был тупик из высоких домов. В самой глубине его стоял невысокий дом. В этом доме помещался известный в городе кабачок, где собирались парижские революционеры.

Вторжение толпы вызвало на улице панику. Прохожие разбежались. В одно мгновение в глубине направо и налево все закрылось: лавки, входы в дома, окна, ставни от первых этажей до чердаков. Открытым оказался только вход в кабачок, куда хлынула толпа.

Не прошло и нескольких минут, как из решеток, ограждавших окна кабачка, были вырваны двадцать железных прутьев. Мостовая перед кабачком была разрушена — каменные плиты понадобились для баррикады. Мимо проехала телега, нагруженная бочками с известью. Гаврош и Багорель быстро ее опрокинули. Бочки годились для постройки баррикады. На них навалили булыжник, вывороченный из мостовой, но его оказалось мало. Один из студентов спустился в погреб, там было много пустых бочек. Он выкатил их оттуда. Рабочие подперли бочки и телегу огромными грудями песчаника. Откуда его раздобыли — неизвестно. Скоро половина улицы оказалась загражденной стеной выше человеческого роста. На углу

показался омнибус, запряженный двумя белыми лошадьми.

— Стой!

В одну минуту Багорель перебежал улицу, остановил кучера, высадил пассажиров, вежливо подавая руку женщинам, взял лошадей под уздцы и привел их вместе с омнибусом к баррикаде.

Лошадей распрягли и отпустили на свободу, а омнибусом, сваленным набок, заградили улицу.

Гаврош, радостный и сияющий, бегая взад и вперед, карабкался вверх, спускался, шумел, мелькал повсюду. Гаврош был, как вихрь. Он появлялся везде. Звонкий голос его не смолкал ни на минуту. Громадная баррикада чувствовала его у себя на плечах. Он смеялся над бездельниками, заставлял работать лентяев, ободрял уставших; одних забавлял, других сердил, третьим надоедал, всех тормошил. Задирали студентов, бесил рабочих. Перебегал от одних к другим. Сновал и гудел повсюду, точно муха.

— Смелее! Валите булыжники! Еще! Побольше бочек! Ваша баррикада мала! Она ни к чорту не годится! Тащите сюда все, что попало! Ломайте дом! Смотрите, вон стеклянная дверь!

— Стеклянная дверь? — с удивлением воскликнули рабочие. — Да что с нею сделаешь? Ах, ты, осленок!

— Сами вы ослы! — обругал их Гаврош. —
Стеклянная дверь отлично годится для барри-
кады. По ней ведь не взойти. Видно, вы не
таскали яблок из чужих садов. Попробуйте пе-
релезть через стену, усыпанную осколками бу-
тылок. Пусть только гвардейцы к нам полезут,
стеклянная дверь срежет им мозоли. Чорт
возьми! Стекло — предательская штука!

Он бесился на свой пистолет без курка. Ко всем приставал:

— Дайте мне ружье! Мне нужно ружье! Почему мне не дают ружья?

— Тебе ружье? — засмеялся один из революционеров.

— А почему бы и нет? — ответил Гаврош. Другой революционер пожал плечами.

— Когда у всех мужчин будут ружья, их дадут и детям.

Гаврош гордо отвернулся и сказал:

— Если тебя убьют раньше, чем меня, я возьму твое.

Баррикада на улице Шанврери была невысока. Взойти на нее можно было по каменным ступеням, сложенным внутри. Снаружи она выглядела грозной и неприступной: груды булыжника, опрокинутый омнибус, бочки, соединенные балками и досками.

Между стенами домов и баррикадой оставлена была узкая лазейка, в нее мог пролезть человек. Так что выход был возможен. Дышло омнибуса укрепили на вершине фасада. На нем развевалось красное знамя.

Все это соорудили в один час и без всякой помехи.

Солдаты и полиция не показывались. Буржуа, изредка попадавшие на улицу Сен-Дени, завидев баррикаду, убегали.

Когда баррикада была построена и знамя водружено, из кабачка выволокли стол. Один из студентов на него взобрался.

Его товарищи принесли сундучок, набитый патронами. Студент, стоявший на столе, улыбаясь, стал раздавать патроны.

Барабанный бой, не умолкая, раздавался по всему Парижу, но к его звукам привыкли и на них перестали обращать внимание. Бой барабанов то удалялся, то приближался зловещими раскатами. На улице больше не показывался ни один прохожий. Наступили сумерки. В темноте и молчании надвигалось что-то грозное. Оторванные от всех, вооруженные, исполненные твердой решимости, спокойные, рабочие и студенты ждали.

На баррикаде зажгли большой смоляной факел. Его с трех сторон обнесли булыжниками в защиту от ветра и поставили так, что весь свет его падал на знамя. Улица и баррикада погружены были в темноту. Видно было лишь красное знамя, ярко освещенное как бы громадным потайным фонарем.

НОЧЬ НА БАРРИКАДЕ

Наступила ночь, никто не появлялся. Слышен был лишь смутный гул и порой перестрелка, но она доносилась изредка и издалека.

Эта длительная отсрочка показывала, что правительство собиралось с силами. Пятьдесят человек революционеров поджидали шестидесяти-тысячное войско.

Гаврош изготавливал патроны в кабачке при тусклом свете двух свечей, горевших на прилавке.

С улицы свет этот не был виден. В верхних этажах совсем не зажигали огня.

Один из революционеров, тот самый, который смеялся над Гаврошем, когда он требовал ружье, подошел к нему и сказал:

— Послушай, ты — маленький, тебя не заметят. Выйди за баррикады, проскользни вдоль домов, походи по улицам. Вернешься и расскажешь нам, что происходит.

— Малыши могут и пригодиться, — с заносчивым видом ответил Гаврош. — Что же, я пойду. А пока советую вам: доверяйте маленьким побольше, а большим поменьше. — Гаврош понизил голос и прибавил: — Видите вы этого верзилу?

— А что?

— Это сыщик.

— Ты уверен?

— Говорят вам. Неделью назад он стащил меня за ухо с перил моста.

Мальчуган отдал честь по-военному и убежал...

На башне Сен-Мери пробило десять часов. Двое студентов с ружьями в руках сидели подле лазейки, оставленной между стенами домов и баррикадой. Они молчали, прислушиваясь и стараясь уловить звук самых глухих и отдаленных шагов.

Вдруг, среди мрачной тишины, раздался звонкий, юный, веселый голос. Он доносился с улицы Сен-Дени и распевал народную песенку:

—...У них мундиры синие
И сабли на боку.
Огонь по линии!
Ку-ка-ре-ку!

— Это Гаврош, — сказал один из студентов.

— Он подает нам сигнал, — ответил другой.

Поспешные шаги нарушили тишину безлюдной улицы. По омнибусу ловко, как обезьяна, вскарабкался Гаврош. Он соскочил внутрь баррикады. Едва переводя дух, мальчуган сказал:

— Мое ружье! Они идут.

— Хочешь взять мой карабин? — спросил один из рабочих.

— Нет, я хочу большое ружье, — ответил Гаврош.

Ему дали большое ружье.

Двое часовых вернулись на баррикаду почти одновременно с Гаврошем. На посту остался лишь часовой, стоявший со стороны мостов и

рынка. Очевидно, оттуда войска еще не надвигались.

Защитники баррикады заняли свои боевые посты.

Сорок три человека, в том числе и Гаврош, стали на колени внутри баррикады; головы их были наравне с вершиной укрепления, дула ружей и карабинов выставлялись из-за булыжника, как из бойниц. Все молчали и были наготове. Шестеро стали, взяв ружья на прицел, у окон обеих этажей кабачка.

Прошло еще несколько минут, потом явственно раздался звук шагов, мерных, тяжелых, многочисленных. Он приближался безостановочно, спокойно и грозно. Вдруг он смолк. В конце улицы слышалось дыхание множества людей. Но никого не было видно: лишь в самой глубине среди густой тьмы можно было различить множество металлических нитей. То были штыки и ружейные дула, смутно освещенные дальним отблеском факела.

Внезапно из этой темноты раздался злобный голос:

— Кто идет?

В ту же минуту слышалось бряцанье ружей. Начальник баррикады ответил звучно и гордо:

— Французская революция...

— Пли!—раздалась команда.

Страшный залп раздался над баррикадой. Красное знамя свалилось. Залп был так силен и густ, что срезал древко. Пули, отскочившие от карнизов домов, попали на баррикаду и ранили несколько человек.

Атака была жестокая и заставила призадуматься самых отважных. Было очевидно, что придется иметь дело с целым полком.

— Товарищи, — крикнул начальник барри-

кады,—поберегите порох! Не стреляйте, пока они не покажутся на улице! И, прежде всего,—прибавил он,—поднимем знамя!

Он подобрал знамя, свалившееся к его ногам. Послышался стук шомполов: солдаты снова заряжали ружья.

При звуке выстрелов осаждавшие бросились на баррикаду. Вскоре две трети ее были заняты солдатами. Но перескочить через ограждение солдаты не решались. Они как будто боялись, что там их ждет ловушка. Они заглядывали внутрь мрачной баррикады, как в логовище льва. Факел освещал штыки, мохнатые шапки и встревоженные, злые лица.

Большинство осажденных взобралось на окна первого этажа и на чердак, откуда им было удобнее стрелять. Самые смелые гордо прислонились к домам и смотрели на гвардейцев, стоявших на баррикаде.

Офицер обнажил шпагу и сказал:

— Положите оружие!

— Пли!—скомандовал начальник баррикады.

Два залпа раздались одновременно, и все исчезло в едком, удушливом дыме.

Раздались стоны раненых и умирающих.

Когда дым рассеялся, стали видны сражавшиеся. Ряды их поредели, но оставшиеся в живых стояли на тех же местах и молча заряжали ружья.

Внезапно раздался громовой голос:

— Уходите, или я взорву баррикаду!

Все обернулись в ту сторону, откуда донесся голос. Начальник баррикады вошел в кабачок, взял там боченок с порохом, воспользовался дымом, окутавшим баррикаду, и проскользнул вдоль нее до того места, где горел факел. В одно мгновение он его вырвал и поставил на его место боченок с порохом.

Теперь офицеры и солдаты с удивлением глядели, как он, стоя на камнях, с факелом в руках, с решимостью на гордом лице, наклонив горящий факел к боченку с порохом, ужа-сающим голосом кричал:

— Уходите, или я взорву баррикаду!

Минуту спустя он поднес факел к боченку.

Но на баррикаде никого уже не было. Покинув мертвых и раненых, гвардейцы в смятении и беспорядке отступили в самый дальний конец улицы и исчезли в темноте. Это было настоящее бегство. Баррикада была освобождена.

Осажденные расставили часовых и принялись перевязывать раненых.

Начальник баррикады подозвал Гавроша. Мальчик весело к нему подбежал.

— Ты согласен оказать мне великую услугу?

— Все, что хотите, — сказал Гаврош.

— Вот, возьми письмо. Уйди сейчас же с баррикады.

Гаврош беспокойно почесал затылок.

— Ты отнесешь письмо по этому адресу. Это не очень далеко.

Маленький герой ответил:

— Хорошо! Но тем временем баррикаду возьмут, а меня не будет.

— Атака произойдет, повидимому, лишь на рассвете, а взята баррикада будет не раньше полудня.

— Не могу ли я отнести ваше письмо завтра утром? — спросил Гаврош.

— Нет, это выйдет поздно. Ступай сейчас.

Не находя больше возражений, Гаврош стоял в нерешительности, опечаленный. Вдруг он встрепенулся, как птица, и взял письмо.

— Хорошо, я пойду, — сказал он.

Гаврошу пришла в голову счастливая мысль. Он ее не высказал, боясь возражения начальника.

Гаврош решил:

«Сейчас только полночь. Я отнесу письмо теперь же и успею во-время вернуться».

Гаврош отнес письмо и, торопясь обратно на баррикаду, усердно бил по дороге фонари. Пробегая по темным, безлюдным улицам, он во все горло распевал песни. При этом он не скупился на разные грозные жесты и корчил рожи. Их у него был неистощимый запас. Жаль, что на безлюдной улице никто не мог его видеть. Он даром расточал свои богатства.

Вдруг он остановился. Его кошачьи зрачки различили в углублении ворот ручную тележку и человека, спавшего на ней.

Ручки тележки упирались в мостовую, а голова спавшего упиралась в дно тележки. Наклоненное тело скорчилось, а ноги касались земли.

Гаврош догадался, что этот человек пьян.

«Вот, — подумал Гаврош, — на что годятся летние ночи. Человек этот заснул в своей тележке. Я захвачу тележку для республики, а пьяницу оставлю здесь. Тележка отлично пригодится на нашей баррикаде».

Пьяница храпел.

Гаврош осторожно потащил его за ноги. Тот, не просыпаясь, растянулся на мостовой.

Тележка была освобождена.

Гаврош всегда носил с собой всякие вещи. Он порылся в кармане и достал клочок бумаги и огрызок красного карандаша.

Гаврош написал:

*«Получил твою тележку для Французской республики.
Гаврош».*

Потом сунул бумажку в карман плисового жилета пьяницы, ухватился за ручки тележки обеими руками и галопом помчался к Парижскому рынку, толкая перед собой тележку с победоносным грохотом.

Это была очень опасная затея. По дороге, в королевской типографии, помещался караульный отряд. Гаврошу это не пришло в голову. Отряд встревожился, на походных койках приподнялись головы. Два фонаря, разбитые один за другим, песня, пропетая во все горло, — было чего испугаться трусливым улицам, засыпающим на заходе солнца и привыкшим рано задувать свечи. Вот уже целый час, как мальчу-

ган жужжал в этом мирном районе, точно комар, попавший в бутылку.

Офицер прислушался. Он выжидал. Он был человек осмотрительный. Отчаянный грохот тележки вывел его из терпения.

— Их тут целая шайка, — пробормотал он.

Офицер осторожно и бесшумно вышел из караульни.

Гаврош внезапно очутился лицом к лицу с военным мундиром, кивером и ружьем.

Он остановился, как вкопанный.

— Здравствуйте, общественный порядок, — сказал он.

— Куда идешь? — заорал офицер.

— Гражданин, — ответил Гаврош, — я ведь еще не обозвал вас буржуа. А вы почему меня ругаете?

— Куда идешь, лодырь?

— Милостивый государь, — возразил Гаврош, — вчера вы, может быть, и были умным человеком, но сегодня утром вас разжаловали.

— Отвечай, куда идешь, негодяй?

Гаврош ответил:

— Вы очень любезны. Право, вам нельзя дать ваших лет. Вы бы продали свои волосы по сто франков за штуку. Получите пятьсот франков.

— Куда идешь? Куда идешь? Скажешь ты, куда идешь, подлец?

— Уф, как вы грубо выражаетесь!

— К оружию! — заорал офицер.

Гаврош моментально сообразил, как выйти из трудного положения. Тележка ввела его в беду. Пусть тележка его и спасет.

Офицер подступил к Гаврошу, но мальчик мгновенно превратил тележку в боевой снаряд — изо всей мочи бросил ее в офицера. Он упал навзничь в лужу. Ружье выстрелило в воздух.

На крик из караульни выбежали солдаты, раздался ружейный залп, за ним второй, третий...

Пальба продолжалась добрую четверть часа. Немало оконных стекол было разбито вдребезги.

Тем временем Гаврош единым духом отмахал пять улиц и, запыхавшись, сел отдохнуть на мостовую.

Он прислушался.

Переведя дух, он повернулся в ту сторону, где бушевала стрельба, поднял руку и, растопырив пальцы, приставил ее к носу.

Но вдруг спохватился.

— Я тут помираю со смеху, а с дороги-то сбился. Придется сделать изрядный крюк. Только бы во-время поспеть на баррикаду!

И он помчался, как вихрь.

АТАКА

День наступал быстро. Но ни одно окно, ни одна дверь не открылась. Солнце давно взошло, а люди не подавали и признаков жизни. На улице Шанврери, покинутой войсками, царила зловещая тишина. Соседние улицы были безлюдны.

Никого не было видно, но доносились какие-то звуки. Издали надвигалось что-то таинственное. Как накануне вечером, часовые снялись с мест и вернулись на баррикаду.

Со стороны, откуда ждали атаки, царила глубокая тишина. Начальник велел всем занять боевые посты.

Вдоль каменной стены раздались короткие, сухие звуки. Это заряжали ружья.

Ждать пришлось недолго. Стук цепей, зловещее гроыхание чего-то массивного, звон меди о мостовую, торжественный грохот—все возвещало о приближении артиллерийских орудий.

Показалась первая пушка.

— Пли!—скомандовал начальник баррикады.

С баррикады раздался дружный залп. Дым, словно лавина, закрыл от взоров пушку и людей; через несколько секунд облако рассеялось, пушка и люди появились снова.

— Зарядите ружья! — скомандовал начальник.

В то время как революционеры вновь заряжали ружья, артиллеристы заряжали пушку.

Пушка выпалила, ядро полетело.

— Здесь! — раздался веселый голос.

Ядро обрушилось на баррикаду. В ту же минуту в нее влетел Гаврош. Его появление поразило всех больше, чем ядро.

Ядро застряло в гряде обломков. Оно сломало колесо омнибуса и прикончило старую телегу. На баррикаде все рассмеялись.

— Продолжайте! — крикнул один из рабочих артиллеристам.

Гавроша обступили. Но ему ничего не пришлось рассказать. Начальник поспешно отвел его в сторону.

— Ты зачем сюда явился?

— За тем же, что и вы, — гордо ответил мальчуган, глядя на него широко открытыми, сияющими глазами.

— Кто тебе позволил вернуться? А письмо? Ты его передал?

— Гражданин, я отдал письмо привратнику. Он передаст.

Начальник, отсылая письмо, преследовал две цели: он прощался со своей невестой и спасал Гавроша. Пришлось удовольствоваться половиной того, что он хотел.

Не прошло и минуты, как Гаврош очутился на противоположном конце укрепления.

— Где мое ружье? — кричал он.

Ему дали ружье полицейского, взятого в плен.

Гаврош предупредил товарищей, что все соседние улицы запружены войсками.

— Поручаю вам вздуть их хорошенько, — весело добавил Гаврош.

Тем временем начальник у своей бойницы напряженно прислушивался.

— Нагните головы ближе к стене! — крикнул начальник. — Станьте на колени вдоль баррикады.

Но залп раздался раньше, чем приказ успели выполнить.

Залп был направлен на выход из баррикады и ударил в стену. Двух человек убило и трех ранило.

Такой обстрел баррикада недолго могла выдержать. Картечь проникла внутрь.

Атака продолжалась. Ружейные выстрелы и картечь чередовались, медленно разрушая баррикаду.

При каждом залпе Гаврош выпячивал щеку языком в знак полного пренебрежения.

Солнце стояло высоко на небе.

Один из защитников баррикады обратился к начальнику:

— Мы голодны. Неужели мы так и умрем, не поевши?

Начальник стоял, облокотившись на бойницу и не отводя глаз от улицы. Он ответил утвердительным кивком головы.

Артиллеристы быстро подкатили вторую пушку и поставили ее рядом с первой.

Это предвещало скорую развязку.

Несколько секунд спустя оба орудия открыли пальбу; ружейный огонь поддерживал артиллерию.

— Необходимо обуздать эти пушки, — сказал начальник и крикнул: — Пли в артиллеристов!

Все давно были готовы; баррикада принялась бешено и радостно палить. Шесть или семь залпов последовали один за другим; улица наполнилась ослепительным дымом. Через несколько минут сквозь туман удалось различить две трети артиллеристов, лежавших под колесами пушек. Оставшиеся в живых продолжали обслуживать орудия, но пальба стала реже.

— Как удачно! — сказал один из рабочих, обращаясь к начальнику баррикады. — Полный успех!

Начальник покачал головой и ответил:

— Еще четверть часа такого успеха и на баррикаде больше не останется и десятка патронов.

Гаврош слышал эти слова.

МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ

Вдруг на баррикаде заметили, что кто-то спустился на улицу и стоит под выстрелами.

Гаврош взял в кабачке корзинку для бутылок, вышел через лазейку и спокойно принялся опоражнивать в свою корзинку патронташи убитых.

— Что ты такое делаешь? — крикнули ему с баррикады.

Гаврош поднял голову.

— Граждане, я наполняю корзинку.

— Не видишь ты, что ли, картечи?

Гаврош ответил:

— Дождик идет, велика важность!

Начальник крикнул:

— Вернись!

— Сейчас, — сказал Гаврош и пустился бегом по улице.

Около двадцати мертвецов валялись вдоль улицы на мостовой. Десятка два патронташей. Запас пороха для баррикады.

Улица была окутана дымом, словно туманом. Он медленно поднимался и снова наползал. От него по улице среди бела дня было почти темно. Сражавшиеся по обе стороны этой короткой улицы едва могли различить друг друга.

Темнота пригодилась Гаврошу.

Под покровом дыма и благодаря своему маленькому росту он мог пробраться довольно далеко, не замеченный солдатами. Первые шесть или семь патронташей он опустошил, не подвергаясь большой опасности.

Он полз на животе, пробирался на четвереньках, держа корзинку в зубах, корчился, скользил, извиваясь, пробираясь от одного мерт-

веса к другому и опоражнивая патронташи, как обезьяна шелушит орехи.

От баррикады он был пока еще недалеко, но его не решались звать, боясь навлечь на него внимание. Он пробирался все дальше и дополз до места, где стоявший от выстрелов туман был не так густ.

Стрелки, залегшие вдоль стенки из булыжника, и солдаты, скучившиеся на углу улицы, указали друг другу на что-то копошившееся в дыму. В ту минуту, как Гаврош освобождал от патронов убитого сержанта, в труп попала пуля.

— Чорт возьми! — воскликнул Гаврош. — Моих мертвецов убивают.

Вторая пуля ударила в мостовую подле него. Третья — опрокинула его корзинку.

Гаврош оглянулся и увидел, что стреляют с угла улицы.

Он поднялся, выпрямился во весь рост. Ветер развеивал его волосы. Глядя на целившихся в него гвардейцев, Гаврош весело и громко запел песенку.

Потом поднял корзинку, положил обратно все выпавшие из нее патроны и, приблизившись к стрелкам, принялся опустошать другой патронташ. Четвертая пуля просвистела мимо, а Гаврош все пел.

И на пятую пулю он ответил песенкой.

Зрелище было страшное. В мальчика стре-

ляли, а он дразнил стрелков. Казалось, он от души забавлялся. На каждый выстрел он отвечал куплетом. В него целились непрерывно и никак не могли попасть. Гвардейцы смеялись, стреляя в него. Он ложился, вскакивал, прятался в подворотне, исчезал, появлялся снова, спасался бегством, прибегал назад, грозил кулаком, опустошал патронташи и наполнял свою корзинку. С баррикады со страхом следили за ним глазами. Пули догоняли его, но он был проворнее пули. Он как бы играл в прятки со смертью.

Но, наконец, коварная пуля настигла мальчугана. Гаврош пошатнулся и упал. Крики ужаса раздались на баррикаде. Гаврош припоялся, струя крови лилась по его лицу, он протянул руки и, глядя в ту сторону, откуда раздался выстрел, снова запел.

Он не успел кончить своей песенки. Вторая пуля заставила его смолкнуть. На этот раз он упал лицом на мостовую и больше не шевелился.

Маленький герой был убит.

ДЛЯ МЛАДШЕГО
И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Иллюстрации в тексте заимствованы из
французского издания Оллендорфа.

Обложка худ. Н. ШИШЛОВСКОГО.

Отз. редактор К. ПИСКУНОВ.

Техн. ред. И. СЕМЕНОВСКАЯ.

Корректор А. САПЕЛКИНА.

Сдано в производство 23.11.35.

Подписано к печати 7.1.36.

Формат 32 × 110, 1/4 д. 7 п. л. 7 астр. л.

Индекс Д-6. Д. тивизат № 495.

Уполн. Главлита Б-15724. Тир. 50 000

Отпечатано в 1-й Образцовой типогр.

Огиза РСФСР треста «Полиграфбизнес».

Москва, Валевая, 28. Цена 1 р. 15 к.,

переплет 75 к.

300=

ЦЕНА 1 Р. 90 К.

